

0 - 775328

На правах рукописи

РЫБАКОВА Анна Александровна

**ЭКСПРЕССИВНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА
РУССКОЙ ЭПИГРАММЫ XVIII – XIX ВЕКОВ
И ЕЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ, ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ
СРЕДСТВА**

Специальность 10.02.01 – Русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ставрополь 2009

Работа выполнена в государственном образовательном
учреждении высшего профессионального образования
«Армавирский государственный педагогический университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Нестеров Михаил Николаевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Буров Александр Архипович

кандидат филологических наук, доцент
Воробьева Ирина Глебовна

Ведущая организация: Кубанский государственный университет

Защита состоится 26 марта 2009 г. в 11.00 на заседании диссертационного совета ДМ 212.256.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук в Ставропольском государственном университете по адресу: 355009, Ставрополь, ул. Пушкина, 1, ауд. 416.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Ставропольского государственного университета.

Автореферат разослан «___» февраля 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000506666

Т.К. Черная

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

С конца XVIII века в русской литературной среде эпиграмма становится одним из самых популярных художественно-словесных жанров. Многие эпиграммы публиковались в журналах, другие в условиях жесткой цензуры распространялись в рукописной форме, передавались из уст в уста. В эпиграмме как злободневном сатирико-юмористическом жанре широко использовались лексические и фразеологические средства живой народной речи, что значительно способствовало демократизации русского литературного языка.

Русская эпиграмма как особый сатирико-юмористический жанр рассматривается во многих литературоведческих работах (М.Л.Гаспаров, Л.Ф.Ершов, М.И.Гиллельсон, Е.В.Новикова, Л.И.Тимофеев и др.). Однако в лингвостилистическом аспекте она мало исследована. Не рассматривалась еще и экспрессивно-семантическая структура эпиграммы как жанровой формы художественной речи, ее определяющее влияние на отбор и употребление характерных для нее языковых средств.

Актуальность нашего исследования связана с необходимостью восполнить существующий пробел в научном осмыслении эпиграммы как особой жанровой формы художественной речи с ее специфическим речевым строением и широким диапазоном употребления стилистических средств общенародного языка. Как подчеркивал еще В.В.Виноградов, задача стилистики – разобраться в тончайших различиях семантического и экспрессивно-стилистического характера между разными жанрами. Научные основы лингвостилистики жанровых форм речи уже сформировались (В.В.Виноградов, А.Н.Кожин, В.Г.Костомаров, Г.Я.Солганик, Е.Ф.Петрищева, Е.А.Иванчикова, М.Н.Нестеров и др.). Принципы лингвостилистического исследования жанровых форм художественной речи нашли практическое воплощение в работах, посвященных русской басне (В.А.Шипилов), современному анекдоту (О.В.Переходюк), русской лирической песне (Е.А. Карапетян), историческому роману и драме (О.Е.Вороничев, И.В.Мануйлова, О.Н.Егорова) и других. В русле лингвостилистики жанровых форм художественной речи выполнена и наша диссертационная работа.

Объектом диссертационного исследования является русская эпиграмма XVIII – XIX веков. Такой широкий хронологический период позволяет показать и разные исторически обусловленные структурно-речевые типы эпиграмм, и стилистическую общность их как единой сатирико-юмористической жанровой формы, которая в пушкинский и послепушкинский периоды достигла своего наивысшего расцвета.

Предметом исследования является экспрессивно-семантическая структура эпиграммы как сатирико-юмористической жанровой формы и лексические, фразеологические средства ее формирования.

Основная цель исследования – выявить общие стилеобразующие признаки эпиграммы как жанровой формы художественной речи и показать их определяющую роль в отборе и употреблении семантически и экс-

прессивно доминирующей лексики, фразеологии. Для достижения поставленной цели намечено решение следующих задач:

1) выявить и описать особенности экспрессивно-семантической структуры русской эпиграммы XVIII – XIX веков как особого сатирико-юмористического жанра;

2) показать определяющее влияние микрополевой структуры эпиграммы на отбор и употребление семантически и экспрессивно доминирующих языковых средств;

3) выявить и описать основные лексические и фразеологические средства, которые употребляются в эпиграммах XVIII – XIX веков для сатирико-юмористического осмеяния адресата;

4) показать распространенность разговорных и просторечных средств, в частности разговорной и просторечной лексики, фразеологии, что способствовало демократизации языка художественной литературы XVIII – XIX веков и русского литературного языка в целом.

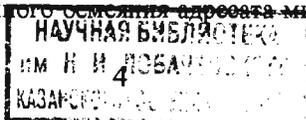
Материалом исследования послужили эпиграммы известных писателей XVIII – XIX веков (М.В.Ломоносова, А.П.Сумарокова, Г.Р.Державина, В.В.Капниста, Д.И.Хвостова, Д.П.Горчакова, И.И.Дмитриева, И.А.Крылова, В.Л.Пушкина, А.Е.Измайлова, В.А.Жуковского, Д.В.Давыдова, К.Н.Батюшкова, П.А.Вяземского, А.С.Пушкина, Е.А.Баратынского, А.И.Писарева, С.А.Соболевского, М.А.Дмитриева, Н.А.Некрасова, И.С.Тургенева, Н.Ф.Щербины, Д.Д.Минаева и других). Всего проанализировано 1670 эпиграмм.

Методологическую основу исследования составили работы по стилистике языка и жанров речи В.В.Виноградова, А.Н.Кожина, В.Г.Костомарова, Г.Я.Солганика, О.А.Крыловой, Л.А.Киселевой, Е.Ф.Петрищевой, В.В.Одинцова, М.Н.Нестерова, по истории русского литературного языка Л.А.Булаховского, Н.А.Мещерского, Е.Г.Ковалевской, А.И.Горшкова, Г.П.Князьковой, по лексикологии, фразеологии и теории семантических полей Н.М.Шанского, В.Н.Телия, Д.Н.Шмелева, А.И.Молоткова, Ю.Н.Караулова, В.П.Абрамова, Г.С.Шура и других. Методологически работа строится на использовании полевого подхода к исследованию экспрессивно-семантической структуры эпиграммы как жанровой формы художественной речи и ее лексических, фразеологических средств.

Основным методом исследования является описательный с непосредственным наблюдением и интерпретацией языковых фактов. В качестве дополнительных используются метод сравнения речевых особенностей разных жанров, метод компонентного анализа, функционально-семантический, функционально-стилистический, метод стилистического эксперимента, позволяющий наглядно показать зависимость употребления лексических средств от структурных особенностей жанровой формы.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Целевое назначение эпиграммы как сатирико-юмористического жанра художественной речи – выразить негативное отношение автора к адресату, которое передается либо в форме открытого обличения, либо посредством иронии, создающей комическую характеристику. В зависимости от характера публичного осмеяния адресата микрополевая структу-

ра эпиграммы подразделяется на два типа: 1) в эпиграммах с обличением открытого характера все экспрессивно-семантические микрополя имеют одноплановую негативную тональность, 2) в эпиграммах иронического характера семантика и экспрессия микрополей носят контрастный характер. Однако и в первом, и во втором типах эпиграмм микрополя гармонически сочетаются между собой и образуют единое экспрессивно-семантическое поле с резким осуждением адресата.

2. Целевое назначение эпиграммы, особенности ее экспрессивно-семантической структуры определяют широкое использование в ней для характеристики адресата лексики и фразеологии с пейоративной оценочностью, разнообразных именных перифраз с ярко выраженной негативной экспрессией, образных художественных средств с отрицательной оценкой, как метафора, сравнение, уподобление.

3. Для создания негативной характеристики адресата в эпиграммах XVIII – XIX веков часто используются различного рода производные имена с пейоративной оценочностью, как Глупон, Крадон, Подлон, Скрагин, или пародийно созвучные с реальными именами, как вместо Булгарин – Фиглярин, Каченовский – Кочерговский и т.д.

4. Целевое назначение эпиграммы и ее экспрессивно-семантическая структура определяют широкое использование в ней многозначной лексики и фразеологии, лексических омонимов, посредством которых создается каламбурная игра смыслов, направленная на осмеяние адресата.

5. В целях осмеяния адресата в эпиграммах широко используется антитеза, построенная на противопоставлении мелиоративных и пейоративных экспрессивно-семантических оттенков, которая позволяет посредством экспрессивно-смысловых контрастов дать резкую отрицательную характеристику адресату.

6. В эпиграмме как особом сатирико-юмористическом жанре очень широко используется просторечная лексика и фразеология живой народной речи со свойственной ей пейоративной оценочностью, что значительно способствовало в XVIII – XIX веках демократизации языка художественной литературы и русского литературного языка в целом.

Научная новизна диссертационной работы определяется прежде всего тем, что язык русской эпиграммы как особого жанра еще мало исследован. В диссертации впервые рассматривается речевое строение эпиграммы как особой жанровой формы и комплексно описываются ее доминирующие лексические и фразеологические средства. Определенную новизну представляет методология и методика исследования: диссертация выполнена в русле современной лингвостилистики жанровых форм художественной речи с применением полевого подхода, благодаря чему выявляются общие экспрессивно-семантические качества языка рассматриваемой жанровой формы и системно представляются различные языковые средства ее формирования.

Теоретическое значение исследования состоит в том, что оно с позиций лингвостилистики раскрывает особенности экспрессивно-семантической структуры эпиграммы, выявляет ее основные стилеобразующие

средства как сатирико-юмористического жанра и вносит свой вклад в изучение языка и стилистических особенностей русской эпиграммы XVIII – XIX столетий. Вместе с тем диссертационная работа имеет определенное значение и для дальнейшей разработки лингвостилистической теории жанровых форм художественной речи, для создания лингвостилистической типологии художественно-словесных жанров.

Практическая значимость работы определяется тем, что материалы исследования, основные положения и методика исследования могут быть использованы в практике преподавания стилистики русского языка, истории русского литературного языка, в спецкурсах и спецсеминарах по языку художественно-словесных жанров, в лингвистическом анализе художественного текста, в курсовых и выпускных квалификационных работах студентов. Материалы диссертационного исследования могут быть использованы в построении учебного курса и создании учебного пособия по стилистике жанров художественной речи.

Апробация работы. Основные положения исследования были изложены в докладах и сообщениях на научных конференциях в Армавирском государственном педагогическом университете (2005-2008 гг.), на IV, V международных конференциях «Культура русской речи» (Армавир, 2005г., 2007г.), на Международной научно-практической конференции «Духовно-нравственный потенциал России: прошлое, настоящее и будущее» (Армавир, 2007г.), на Всероссийской научно-практической интернет-конференции «Системные отношения в языке» (Ставрополь, 2007г.), на Шестой Международной научно-практической конференции «Творчество В.В.Кожина в контексте научной мысли рубежа XX – XXI веков» (Армавир, 2007г.), на Международной научной конференции «Континуальность и дискретность в языке и речи», посвященной памяти доктора филологических наук, профессора А.Г.Лыкова (Краснодар, 2007г.), на Межвузовской научной конференции «Текст. Дискурс. Жанр» (Балашов, 2007г.), на Международной научной конференции «Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологические и прагматические аспекты» (Ростов-на-Дону, 2007г.).

Структура работы определена целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав и заключения. Приложением даются список использованной литературы (190 наименований) и список источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе «**Экспрессивно-семантическая структура русской эпиграммы как жанровой формы художественной речи**» уточняются исходные теоретические понятия «жанр художественной речи», «экспрессивность речи», «экспрессивно-семантическое поле», дается общая характеристика эпиграммы как жанра и описывается ее микрополевое строение с характерными стилистическими особенностями.

В современной лингвистике нет однозначного понимания термина «жанр речи». Разработка теории жанров с позиции стилистики текста (Г.О.Винокур, И.Р.Гальперин, Л.Ю.Максимов, В.В.Одинцов, Е.А.Иванчикова и др.) изначально была противопоставлена литературоведческому пониманию жанра. Само исследование индивидуальных стилей писателей и художественных жанров по традиции относилось к литературоведению. В статье «О задачах истории языка» Г.О.Винокур писал: «... Одно дело стиль языка, а другое дело стиль тех, кто пишет или говорит. Так, например, изучение стиля отдельных писателей, в котором обнаруживает себя своеобразие их авторской личности или конкретная художественная функция тех или иных элементов речи в данном произведении, всецело остается заботой истории литературы и к лингвистической стилистике может иметь разве только побочное отношение» [Винокур 1959: 9]. В работе «Жанровые формы газетной публицистики» Е.А.Иванчикова терминологически отмежевывается от литературоведческого понятия «жанр»: «Из принимаемой здесь трактовки понятия «жанровая форма речи» с очевидностью вытекает, что оно, относясь к области текстовой лингвистики, не должно смешиваться с «жанром» как литературоведческой категорией» [Иванчикова 1987: 74]. Жанровую форму она рассматривает как «определенным образом оформленный текст: с заведомо определенными его автором начальной и конечной границами и, как правило, озаглавленный» [там же]. С позиций стилистики текста к характеристике и типологии жанров речи подходит В.В.Одинцов. В предложенной им классификационной схеме художественная речь с ее жанрами отсутствует, поскольку считается, что это исследовательская область литературоведов.

Но с конца XX столетия традиционное понимание текста как письменного произведения или его целостного отрезка стало переосмысливаться, термин «текст» стал наполняться более объемным, дискурсивным смыслом. Это особенно характерно для таких нетрадиционных направлений, как психолингвистика, лингвокультурология, лингвосинергетика (А.А.Залевская, В.И.Карасик, Э.Е.Каминская, А.В.Кинцель, Г.Г.Москальчук, Ш.Л.Мышкина, В.П.Руднев, З.Д.Попова, И.А.Стернин, В.А.Пищальникова, И.А.Герман, Н.В.Рафикова и др.). Дискурсивный подход порождает множество разных теорий текста. По подсчетам В.П.Белянина, в современной нетрадиционной лингвистике существует более трёхсот определений текста, ни одно из которых ещё не получило общего признания. В широком спектре нетрадиционных теорий текста имеются и такие, которые в качестве текста рассматривают отдельные высказывания, слова и даже вопросительный и восклицательный знаки. С этих позиций понятие жанра стало применяться и к ситуативным формам устной речи. Жанры стали подразделяться на первичные и вторичные, простые и более сложные по структуре, состоящие из различного рода первичных жанров. Речевой жанр как дискурсивная модель речевого поведения рассматривается в работах Н.Д.Арутюновой, А.Г.Баранова, К.А.Долинина, А.Вежицкой, В.В.Дементьева, М.Ю.Федосюк, Т.В.Шмелевой и др.

В лингвостилистике художественной речи, имеющей дело с целыми произведениями, наибольшее распространение получает теория речевых жанров, рассматривающая их как единицы функциональных стилей (В.В.Виноградов, А.Н.Кожин, Г.Я.Солганик, Н.М.Шанский, В.Д.Бондалетов, М.Н.Нестеров и др.). Как отмечается авторами «Стилистики русского языка» под редакцией Н.М.Шанского, «функционально-стилистическая система современного русского языка складывается из особенностей, свойственных функциональному стилю, подстилю и жанру. Каждая из этих стилистических категорий находит реализацию в конкретных текстах» [Стилистика русского языка 1982: 190]. Следуя такой градации, авторы представляют иерархию стилистической структуры языка-речи в следующей схеме: речевое произведение – жанр – подстиль – стиль – язык.

Согласно этой концепции, каждому функциональному стилю языка свойственна своя система жанров. Поэтому все жанры того или другого функционального стиля обладают какими-то общими стилистическими признаками данной функциональной подсистемы, в частности характеризуются общностью сферы употребления и основных функций, общностью характерных языковых средств, неупотребительностью некоторых «противопоказанных» средств. Отличительные же их стилистические свойства в системе родственных жанров определяются внутржанровыми признаками: 1) целевым назначением, 2) особенностью содержания, 3) ситуацией в широком общественно-историческом понимании. Учитывая эти основные признаки, жанр определяют как «исторически сложившуюся форму или разновидность речи, стилистические особенности которой обусловлены функциональным типом речи, содержанием, целью и характером речевой ситуации». Индивидуальный же фактор речи (субъект) определяет ее индивидуальные особенности» [Нестеров, Шипилов 1998: 39].

Основным stileобразующим признаком жанровой формы речи, который определяет ее отличие от других жанровых форм той же функционально-стилевой разновидности, является целевая установка жанра. Целевое назначение жанра художественной речи на уровне стилистической структуры текста, его речевой организации проявляется прежде всего в заданной жанром модальности текста, в его экспрессивно-оценочной окрашенности, которая связывает составные компоненты текста в единое целое, объединяет их в целостное произведение. Именно экспрессивно-оценочная окрашенность текста, реализующая заданную тексту модальность, целевое отношение к предмету изображения, является, по мнению специалистов, тем основным stileобразующим фактором, который в значительной мере определяет стилистические качества жанровой формы речи, отбор и употребление в ней языковых средств общенародного языка. С этих позиций мы и подходим к конкретному анализу стилистических особенностей русской эпиграммы как жанровой формы художественной речи.

В современных словарях, справочниках эпиграмма характеризуется в самых общих чертах как «короткое сатирическое стихотворение» [Ожегов, Шведова 2002; БЭС и др.], «небольшое стихотворение, зло высмеивающее какое-либо лицо или общественное явление» [Тимофеев, Тураев

1974: 467]. Эпиграмма (от греч. Epigramma - надпись) восходит к древнейшему периоду греческой литературы и первоначально была известна как посвятельная надпись на изваяниях, алтарях. От эпических форм эпиграмму отличало ярко выраженное субъективное отношение к адресату или событию. Постепенно тематика жанра расширилась, эпиграмма стала представлять «короткое лирическое стихотворение произвольного содержания» [КЛЭ, 1975, т.8: 915]. В латинскую литературу этот жанр переходит во II – I вв. до н.э. В эпиграммах древнеримского поэта Марциала господствующей становится сатирическая тема. В новоевропейской поэзии термин «эпиграмма» окончательно закрепляется за малой формой сатирического жанра. Ее признаки: конкретность (это «стихи на случай»), краткость, сатиричность. Основной композиционный прием, восходящий к Марциалу, – противоположность экспозиции и заключительной краткой «остроты» (франц. Pointe, нем. Spitz). Эпиграмма такого рода приобрела устойчивую форму как «малый жанр» во французской литературе XVII – начала XIX вв. (Ж.Расин, Ж.Лафонтен, Вольтер, Ж.Б.Руссо, Э.Лебрен, А.Пирон и др.), затем распространилась в других европейских странах (Г.Э.Лессинг, Р.Бернс и др.).

Общественная актуальность эпиграмм обусловила формирование этого жанра и в русской литературе. В русской поэзии эпиграмма появляется первоначально у поэтов-классицистов XVIII века (А.П.Сумароков, Г.Р.Державин, В.В.Капнист, Д.И.Хвостов и др.), затем в конце XVIII – начале XIX века совершенствуется Н.М.Карамзиным, И.И.Дмитриевым, В.Л.Пушкиным, П.А.Вяземским и другими поэтами. В XIX веке усиливается сатирическая острота, злободневность эпиграммы как жанра, она представляет собой непосредственный отклик на важные литературные и политические события. Эпиграммы А.Пушкина, С.Соболевского, Д.Минаева, Н.Щербины и других были разящим оружием в острой общественно-литературной и политической борьбе.

За свою длительную историю эпиграмма прошла сложный путь развития и в различных своих формах сблизилась с другими жанрами малых форм: эпитафией, мадригалом, басней, анекдотом. В пушкинскую эпоху слово эпиграмма обозначало еще и устную остроумную шутку, колкую насмешку. За этими эпиграммами-остротами закрепились эпитеты «площадная», «едкая», «пошлая», «нахальная» и др. Учитывая многоликость эпиграммы некоторые литературоведы отказываются признавать за нею особый жанровый статус. Это свидетельствует о том, что выделенных литературоведами признаков эпиграммы как жанра явно недостаточно для четкого ее отграничения от других малых жанров. Тем не менее эти признаки в своей совокупности все же обозначают основные контуры эпиграммы как сатирико-юмористического жанра. Суммируя их, эпиграмму можно охарактеризовать как жанр лирики, которому свойственны: 1) стиховая форма, 2) небольшой стиховой объём, 3) сатиричность, 4) язвительная концовочная острота – «пуанта». Все эти признаки, выделенные литературоведами, мы будем в дальнейшем учитывать. Однако общий методологический подход к исследованию жанровой формы эпиграммы нами

осуществляется с позиций лингвостилистики, с опорой на сформулированное лингвостилистическое понимание жанра художественной речи.

С позиции лингвостилистики главным стилеобразующим фактором любого жанра речи, в том числе художественного, является его целевое назначение (В.В.Виноградов, А.Н.Кожин, Г.Я.Солганик, М.Н.Нестеров и др.) Назначение русской эпиграммы с самого начала ее формирования в XVIII веке – это осмеяние общественных или личных пороков, недостатков. Но осмеяние является целевым назначением и басни, и сатирико-юмористического анекдота. Эпиграмма находится в зоне действия этих малых жанровых форм сатиры и юмора. Однако басня – эпический жанр, для нее характерны аллегория, иносказательность и связанный с этим иронический подтекст. Поэтому басня по оценочной экспрессии всегда двупланова [Нестеров, Шипилов 1998]. Современный анекдот – тоже эпический жанр, по экспрессивной оценочности он также двупланов [Нестеров, Переходюк: 2001] и оформляется в прозе. Эпиграмма же в отличие от басни и анекдота по своей оценочной экспрессии всегда однопланова: характеризуется ярко выраженной односубъектной модальностью и соответствующей одноплановой оценочной экспрессией.

Экспрессивность как лингвистическая категория не совсем одинаково понимается разными учеными. Многие исследователи рассматривают экспрессивность в тесной связи прежде всего со стилистической и эмоциональной окраской языковых средств. Собственно стилистическое исследование, по мнению В.В.Виноградова и других учёных, включает в себя изучение эмоциональной окраски экспрессивных фактов речи, взаимоотношения между экспрессивными элементами. По мнению В.Д.Бондалетова, «экспрессивная окрашенность – это разновидность стилистической окраски, указывающая на характер и степень выраженности качественных или количественных признаков называемого явления (объекта, лица, действия, состояния, и т. д.). Экспрессивность бывает двух видов: 1) не сопровождаемая эмоциональностью и 2) сопровождаемая эмоциональностью» [В.Д.Бондалетов 1989: 18]. Экспрессивность нередко рассматривают и как семантическую категорию, относя к экспрессии прежде всего «своеобразные смысловые примеси, которые добавляются к основным значениям слов и выражений» [Ефимов 1961: 83-84]. Экспрессивность понимается учеными и в широком смысле, как усиление выразительности и образности, увеличение действующей силы сказанного. В связи с этим термин «экспрессивность» употребляется часто как синоним «выразительности» [Гальперин 1958; Харченко 1976].

Наличие разных точек зрения, разного понимания экспрессивности свидетельствует не только и не столько о противоречиях между разными концепциями, сколько о сложности самого явления и возможности разных подходов к ее исследованию, разных аспектов ее рассмотрения. Экспрессивность связана и с семантикой разных языковых единиц, и с их стилистической окраской, употреблением в речи, и с взаимодействием различных языковых средств в тексте. Поэтому при анализе художественного текста экспрессивность целесообразно рассматривать в широком смысле

как категорию, в которой объединяются все разновидности экспрессивных средств, определяющих эстетическое воздействие художественного текста на читателя. Именно поэтому, как отмечает В.Н.Телия, «в лингвистике наиболее распространено такое понимание экспрессивной окраски, которое вбирает в себя все её способы – стилистический, эмоциональный, оценочный, образный и т.д., отсюда – обилие терминов и их дефисных комбинаций (эмоционально-экспрессивное, экспрессивно-эмоциональное, <...> экспрессивно-стилистическое, <...> оценочно-экспрессивное, а также – коннотативное и т.д.)» [Телия 1985: 11].

Экспрессивными языковыми средствами в эпиграммах создается юмор, ирония, сарказм, сатира. По характеристике Л.И.Тимофеева, юмор есть отрицание частного, второстепенного в явлении, а сатира есть отрицание общего, основного. Отсюда вытекает существенное различие между юмором и сатирой. Сатирический образ – это образ, который стремится к отрицанию отражённых явлений жизни путём доведения до предела комизма, нелепости присущих им в жизни черт. «Промежуточные, переходные формы между ними – ирония и сарказм. <...> Ирония – это уже насмешка, основанная на чувстве превосходства говорящего над тем, к кому он обращается, в ней в известной мере скрыт обидный оттенок. <...> Еще резче говорит о разоблачаемом явлении сарказм, который обычно и определяют как злую иронию» [Тимофеев 1974: 401-402].

Сатиричность как жанровый признак свойственна многим видам литературы. Исследуя фельетон, Г.Я.Солганик приходит к выводу, что «сатиричность – это и есть та основа, которая формирует, образует жанр фельетона». При этом фельетону как жанру свойственна открытая сатирическая эмоциональность, «позволяющая фельетонисту дать прямую оценку отрицательного факта действительности» [Вакуров, Солганик и др. 1978: 164]. Сатирическая оценочность свойственна и басне. Однако басня как жанровая форма художественной речи представляет собой явление более сложное, чем фельетон или памфлет. Как отметил В.В.Виноградов, «басня – жанр подвижный и синкретический. Она сочетает в себе элементы и повести, и сказки, и очерка, и драматической сценки, и общественной сатиры, и личной эпиграммы» [Виноградов 1968: 8]. В связи с этим басне свойствен иной тип оценочности – ирония, «замаскированно-тонкая насмешка, в которой скрытый смысл является отрицанием буквально сказанного» [Николина 1989: 79].

Эпиграмме как особой жанровой форме свойственны обе разновидности сатирико-юмористической экспрессии. В зависимости от речевой структуры в одних ее типах проявляется открытая, «фельетонная» сатирическая оценочность, в других – завуалированная, «басенная» сатирико-юмористическая экспрессия.

Распространенные в эпоху классицизма двустрочные и трехстрочные эпиграммы часто носили отвлеченный назидательно-иронический характер: *На холмы и древа высоки гром стремится; // Кто на земле лежит, упасть тот не боится* (К.А.Кондратович). В других осуждались типичные общественные пороки: *Клеон раскаялся, что грабил он весь*

свет, // Однако ничего назад не отдает. // Так вправду ли Клеон раскаялся иль нет? (А.П.Сумароков). В ряде случаев давалась негативная характеристика конкретным адресатам: Был я в Женеве, был я в Париже, // Спесью стал выше, разумом ниже (Н.П.Николев). Двустипшие связано с первой поездкой Н.М.Карамзина за границу. Нередко критика направлена против общественных пороков: Танцовщик! Ты богат. Профессор! Ты убог. // Конечно, голова в почтенье меньше ног. (А.П.Сумароков).

Четырехстишия эпохи классицизма также характеризуются и одноплановой негативной оценочностью, и двуплановой иронической экспрессией: *Напрасно, бедный, ты к скупому стон возносишь // И помощи себе от сребролюбца просишь. // Он душу скрыв в сундук, сокровище любя. // Так слышать без души возможно ли тебя? (О.П.Беляев). Они оформляются нередко в виде эпитафии: На месте сем лежит безмерно муж велик, // А именно: зловредный откупщик. // Реками золото ему стекалось ко рту // И, душу озлатив, послало душу к черту (А.П.Сумароков).*

Очевидна в целом ряде случаев негативная экспрессивно-оценочная одноплановость многострочных эпиграмм. Но в многострочных эпиграммах негативная оценка чаще выражается посредством экспрессивно-семантического подтекста, создающего явную иронию: *Тафты, атласы и перкали, // Алмазы, жемчуги и кашемирски шали, // Линоны, кружева, батисты, тарлатан, // Да фунтов несколько притом белил, румян, // В карете аглинской двухтысячной катают // И модной дамою сей сверток величают. (П.П.Сумароков). Повествовательно-диалогические эпиграммы по оценочной экспрессии близки к басням и формально могут рассматриваться как двуплановые структуры. Однако заканчиваются они не нравучением, не моральной сентенцией, а остроумной негативной оценкой, которая формирует единое экспрессивно-семантическое поле: *Клеон Дамону говорил // И всякий час ему твердил: // «Куда как схож с тобою я! // Когда б не превышал меня // Ты ростом целой головою, // Различья б не было между тобой и мною». // Дамон ему в ответ: // «Об этом спору нет: // Когда б я головы лишился, // Тогда во всем бы я с тобой, мой друг, сравнился» (П.П.Сумароков).**

В эпоху сентиментализма и раннего романтизма господствующими становятся четырехстрочные и многострочные эпиграммы. По тональности преобладают иронические эпиграммы: *Известный откупщик Фаддей // Построил богу храм... и совесть успокоил. // И впрямь! На всё цены удвоил: // Дал богу медный грош, а сотни взял рублей // С людей (К.Н.Батюшков). Многие из эпиграмм направлены против литературных оппонентов: *Хвастон наш фабулист примерный: // Нет в баснях у него искусства, пышных слов, // А сколько простоты! Вот в них-то совершенный // Язык скотов (А.Е.Измайлов). Преимущественно ироническая экспрессия свойственна и многострочным эпиграммам: *Как счастлив Простаков – всё в свете он имеет: // Прекрасную жену, прекрасных лошадей; // Сервиз серебряный, собак, толпу людей; // Душ тысячько пятью иль более владеет, // А также не пуста и денежна сума. // Чего ж недостает? – Безделицы!.. Ума. (Б.К.Бланк). Диалогические четверостишия и много-***

стишия формально являются двусубъектными структурами по своей модальности: *«О, цензор! О, злодей!//Не пропустил элгии моей. //– «Как? Почему?» – «Да говорит, что в ней//Находит смысл двоякий. //Ну ты читал ее; ты, братец, сам поэт;//Скажи: двусмысленна ль?» – Вот вздор, да скажет всякий,//Что в ней и просто смысла нет».* (А.Е.Измайлов). Однако концевочные стихи, как видим, выражают резкую негативную оценку, которая определяет доминирование авторской субъективной экспрессии, направленной на осмеяние адресата.

Как сатирический жанр эпиграмма достигает наивысшего расцвета в пушкинский и послепушкинский периоды XIX столетия. В это время возрастает число обличительных эпиграмм. Остры эпиграммы А.С.Пушкина на литературных противников, на чиновников. *На Каченовского: Клеветник без дарованья,//Палок ищет он чутьем,//А дневного пропитанья//Ежемесячным враньем.* Язвительны четверостишия и многостишия А.С.Пушкина на Воронцова, Аракчеева, Александра I и других. Во многих эпиграммах Пушкин сочетал иронию с открытой негативной оценкой.

Критическая острота эпиграммы, заданная пушкинской эпохой, сохраняется на протяжении всего XIX столетия. Создаются обличительные эпиграммы на царей, чиновников, общественных деятелей. *На Николая I: Не богу ты служил и не России,//Служил лишь суете своей,//И все дела твои, и добрые и злые, – //Всё было ложь в тебе, всё призраки пустые //Ты был не царь, а лицедей* (Ф.И.Тютчев); *На памятник Закревскому: Позор и чести и уму,//Кому пришла охота//Поставить памятник тому,//Кто стоит эшафота* (Неизвестный автор – далее Н.а.). А.А.Закревский – московский военный генерал-губернатор, преследовал прогрессивных деятелей. Однотональны по экспрессивности многие четверостишия, адресованные литературным противникам. *На М.Н.Каткова: С толпой журнальных кунаков//Своим изданьем, без сомненья,//С успехом заменил Катков//В России Третье отделение* (Д.Д.Минаев).

Таким образом, эпиграммам разных периодов XVIII – XIX веков, разных литературных направлений свойственна односубъектная модальность, выражающая авторскую негативную оценку адресата или каких-то событий, жизненных явлений. В связи с этим эпиграмма как жанр представляет собой однополевую экспрессивно-семантическую структуру. В эпиграмме как жанровой форме художественной речи, какого бы объема и строения она ни была, формируется единое негативное экспрессивно-семантическое поле.

Термин «поле» в лингвистике многозначен. Полевой метод широко используется в современном языкознании при исследовании различных сторон языка, в том числе разных сторон лексической системы. Отсюда обилие производных терминологических словосочетаний: семантическое поле, понятийное поле, тематическое поле, лексическое поле, парадигматическое поле, синтагматическое, ассоциативное, модальное поле, концептуальное поле, символическое поле и др. Изучение семантических полей лексической системы языка началось в 20-е годы прошлого столетия. Широкое распространение понятие «семантическое поле» получило после

выхода работ Г.Ипсена, где оно определялось как совокупность слов, обладающих общим значением. Понятийное поле было введено в научный обиход Й.Триром, который отмечал, что в сознании человека при произношении одних слов возникает множество других, соседствующих по смыслу: это его «понятийные родственники». Позднее стала развиваться теория синтагматических полей. Она восходит к идеям В.Пордига, который обратил внимание на смысловые связи между словами «лгать» и «собака», «ржать» и «лошадь», «цвести» и «растение», «рубить» и «дерево». Вслед за Ш.Балли в научных исследованиях распространилось понятие «ассоциативное поле».

В отечественном языкознании значительный вклад в разработку теории разных полей лексической системы внесли А.А.Уфимцева, Б.Ю.Городецкий, Г.С.Щур, Ю.Н.Караулов, Ю.С.Степанов, Д.А.Новиков, В.П.Абрамов и другие ученые. В работе «Синтагматика семантического поля» В.П.Абрамов отмечает, что центральным в полевой структуре лексики является семантическое поле. Оно, по его мнению, есть форма наиболее адекватного отражения существования и функционирования лексики. При этом семантическое поле одними учеными рассматривается как совокупность языковых единиц, которым свойственно «наличие общего (интегрального) семантического признака, объединяющего все единицы поля и обычно выражаемого лексемой с обобщенным значением (архилексемой)» [ЛЭС, 1990: 397]. Другие интерпретируют семантическое поле шире. В семантическом поле, по мнению Ю.Н.Караулова, объединяются языковые единицы при наличии между ними не только собственно семантической связи, понимаемой как наличие общего семантического компонента, но и ассоциативной связи. Отсюда – семантические поля – единицы комплексные, вбирающие в себя и свойства семантического класса, и свойства ассоциативного поля [Караулов, 1987: 201].

В отечественных исследованиях последних десятилетий лексикологическая модель «семантическое поле» применялась и к языку художественных произведений. Однако, как отмечают М.Н.Нестеров, О.В.Переходюк, «прямолинейное проецирование на художественный текст разработанных лексикологами моделей семантического поля, парадигматического поля, синтагматического поля, ассоциативного поля и каких-либо других полей представляется целесообразным лишь в собственных лексикологических целях. <...> Для выделения же экспрессивно-семантических особенностей жанров художественной речи, их стилообразующих признаков и стилистических качеств лексикологических моделей поля явно недостаточно. В художественном тексте отношения парадигматического и синтагматического характера, их ассоциативные, стилистические отношения органически взаимосвязаны и объединены особой речевой модальностью, которая носит экспрессивный характер, обусловленный особым эстетическим назначением жанровой формы». В связи с этим художественные семантические поля значительно сложнее, многомернее по своей внутренней структуре, чем лексикологические модели разных полей. Для обозначения этого сложного и многомерного художественного поля ученые используют

термин экспрессивно-семантическое поле, понимая его как «часть текста или целый текст со своим особым смыслом, своей единой экспрессивно-оценочной окраской» [Нестеров, Переходюк, 2002: 29-34].

Являясь по своей специфике малым лирическим жанром, целевое назначение которого кратко, в сжатой форме выразить негативное отношение автора к тому или иному событию, лицу, дать им свою критическую оценку, эпиграмма характеризуется единством оценочной экспрессии и представляет собой однополевую экспрессивно-семантическую структуру. Но внутреннее строение эпиграмм может быть разным. Они могут состоять из разного количества микрополей, и эти микрополя по-разному могут взаимодействовать. Это определяет структурное многообразие эпиграммы как жанра художественной речи.

Микрополевым состав двустрочных эпиграмм особенно наглядно проявляется в контрастных экспрессивно-семантических структурах, когда первое микрополе имеет положительную экспрессивную оценочность, а второе негативную. Например: *О Клим! Дела твои велики!//Но кто хвалил тебя? Родня и два заики.* (Д. И. Фонвизин); *Нет спора, что Бибрис богам языком пел;//Из смертных бо никто его не разумел.* (П.А.Вяземский). На Павла I: *Похож на Фридриха, скажу пред целым миром, -//Но только не умом, а шляпой и мундиром* (Н.а.). Иную экспрессивно-семантическую структуру представляют двустрочные эпиграммы, в которых и первый стих, и второй содержат явно выраженную негативную оценку. Будучи одинаково негативными, микрополя в этих случаях различаются по семантике: *Под холодной кочкой сей Вралева холодный прах;//Бог с ним! Он был и сам так холоден в стихах.* (И.И.Дмитриев); *Вздурлил толстосум, наш откупщик богатый;//Хлев надобен ему, а строит он палаты* (А.Е.Измайлов).

Многие четырехстрочные эпиграммы по экспрессивно-семантическому строению подобны двустрочным. Яркую однополевую структуру имеют четырехстрочные эпиграммы с единой негативной экспрессией: *Лет тридцать у вельмож паркеты натирал;//Ногами и спиной мучительно трудился;//Как рыба об лед колотился;//Он явно подличал – и в тайные попал.* (С.А.Неелов); *В доносах грязных изловчась;//Он даже, если злобой дышит;//Свою статью прочтет подчас;//То на себя донос напишет* (Д.Д.Минаев). В четверостишиях контрастного типа часто противопоставлены два экспрессивно-семантических микрополя: *Вот Новый наш поэт; он нов, и он велик;//Оригинален он, поэтов нет с ним схожих;//Он ходит, высуня язык;//И дразнит им прохожих.* (С.П.Шевырев); *По чести, он писатель чудный;//И это видим мы из всех его статей;//Он пишет их – ужасно трудно;//А нам читать еще трудней.* (А.И.Писарев).

Однако не все четырехстрочные эпиграммы по экспрессивно-семантической структуре аналогичны двустрочным. Более сложный стиховой состав четырехстрочных эпиграмм обусловил появление различного рода новых структур, не свойственных двустрочным. Четырехстрочная эпиграмма нередко состоит из трех-четырёх семантических микрополей. Обладая большим художественным пространством она отличается и большей экспрессивно-семантической динамичностью, большим разнооб-

разием выражаемых семантических и эмоциональных оттенков: (1) *В России странный век настал://Смягчилось Третье отделение, – (2) И вновь стал Майков либерал (3) С монаршего соизволения* (Н.Ф.Щербина); (1) *Уж переводится, что Хватов написал,//На английский язык, немецкий и французский; (2) А Гениев вчера заподлинно сказал, (3) Что переводят и на русский* (Б.К.Бланк). В приведенных эпиграммах по 3 семантических микрополя (они обозначены цифрами). Их эмоционально-экспрессивная тональность динамично меняется, заканчиваясь едкой остротой. Многие четверостишия состоят из четырех семантических микрополей. Так, например, в эпиграмме Б.М.Федорова на Ф.В.Булгарина каждый стих представляет свое семантическое микрополе: *Фаддей здесь издает «Листки»,//В Варшаве издавал свисток.//Его свисток – пустой листок,//Его листки – ему свистки*. Из четырех микрополей нередко состоят эпиграммы иронической структуры: *И ты поэт, и он поэт;//Но меж тобой и им различие находят://Твои стихи в печать выходят,//Его стихи – выходят в свет* (Е.А.Баратынский); *У нас чужая голова,//А убежденья сердца хрупки...//Мы – европейские слова//И азиатские поштуки* (Н.Ф.Щербина).

Еще разнообразнее по микрополевой структуре многострочные эпиграммы. Они могут быть, как и двустишия, четверостишия, однотональными по негативной экспрессии и контрастными. Но структура контраста значительно сложнее: 1) *В былые дни Елизаветы,//Вельможа сердцем и умом,//Шувалов университеты//Впервой завел в краю родном.// 2)Теперь не то: штион Шувалов,//Глушца Игнатъева клевет,//Ведет разведочных генералов//В штыки на университет.// 3)Бывало, честный Ломоносов//Проекты смело создавал//И всем без правил и без взносов//В науку двери отворял.// 4)С Путьятым иная мода://Он, по обычаю попов,//Уселся с кружкою у входа//И взащей гонит бедняков* (Н.а.). Как видим, в эпиграмме 4 семантически распространенных микрополя, каждое из которых формируется особым четверостишием. При этом четверостишия, посвященные вельможе Шувалову и Ломоносову, образуют положительные экспрессивно-оценочные микрополя, а четверостишия, посвященные второму Шувалову и Путьятину, противопоставлены им негативной оценочной экспрессией. Относительная ширина поэтического пространства позволяет сочетать в многострочных эпиграммах иронию с резкой открытой негативной оценкой. Например, в эпиграмме на Каткова: *Михайло Никифорыч старый,//Варвары Акимовны сын,//Теперь вы полезли в бояре,//Теперь вы большой дворянин.//Недавно вы были неважный,//Пропаший профессор-пошлец,//Теперь же вы просто продажный//И в гору идущий подлец* (Н.П.Огарев). Количество микрополей в многострочных эпиграммах может достигать 10 и более. Тем не менее, как показано в диссертации, их взаимодействие так или иначе определяет в конечном счете формирование единого экспрессивно-семантического поля либо с открытой негативной оценкой, либо с иронической. При этом главную роль в формировании оценочной экспрессии в эпиграммах играют лексические и фразеологические средства.

Во второй главе диссертации «Лексические и фразеологические средства создания сатирико-юмористической экспрессии в эпиграммах XVIII – XIX столетий» рассматривается наиболее распространенная лексика и фразеология, формирующая негативную оценочность в исследуемом жанре. Оценочность как лингвостилистическая категория интерпретируется исследователями не совсем однозначно. Ряд ученых рассматривают оценочность преимущественно как свойство эмоционально-экспрессивных языковых средств, как разновидность эмоционально-экспрессивной окраски [А.Н.Кожин, О.А.Крылова и др. 1982: 75]. Другие рассматривают оценочность шире. Г.П.Князькова выделяет оценочность интеллектуальную и эмоциональную [Князькова 1974: 152]. По мнению В.К.Харченко, «оценочность – категория функциональная. Номинативно-оценочная функция слова – это разновидность номинативной функции» [Харченко 1976: 67]. В широком плане оценочность интерпретирует В.Н.Телия. Разграничивая два типа оценочной модальности – собственно оценочную, рациональную и эмотивно-оценочную, коннотативную, она подчеркивает: «Эта двойная модальность и создает экспрессивную окраску слова или выражения, обуславливая тот экспрессивный эффект, который оно производит» [Телия 1985: 56].

Эмотивно-оценочная модальность слова по своей функциональной значимости не ограничивается его собственной семантикой, она перекрывает лексическое значение слова и распространяется на целое высказывание: «Поскольку вершинную позицию в экспрессивно-окрашенном значении занимает эмотивно-оценочная модальность, перекрывающая собственно лексическое значение, можно считать, что значение этого типа имеет сентенционную «мощность», т.е. охватывает, как всякая модальность, информацию, несомую высказыванием в целом» [Телия 1985: 121]. Именно поэтому в художественном тексте, экспрессивно-эмоциональная окраска которого создаётся целым комплексом средств, главную роль в формировании оценочной тональности играют лексика и фразеология.

Экспрессивно-оценочная лексика широко используется в различных жанрах художественной лирики. Однако, если в исповедальных жанрах, таких как лирическое стихотворение, лирическая песня, лирическая частушка, преобладают ключевые, полеобразующие лексемы с положительной, мелиоративной оценкой, то в жанре эпиграммы основными стилиобразующими доминантами выступают слова с пейоративной, то есть отрицательной оценкой – прилагательные, существительные, наречия, различные глагольные формы.

Открытая негативная характеристика адресата дается прежде всего прилагательными. Нередко прилагательные формируют негативную характеристику в самом начале эпиграммы, в структуре первого экспрессивно-семантического микрополя: *Плохой поэт, плохой чужих трудов ценитель, //Он пишет пасквили бог знает для чего <...>* (А.И.Писарев). В других случаях прилагательные с пейоративной оценкой служат доминантной экспрессемой концевочного микрополя: *Шхматов! Почтальон! Как не скорбеть о вас?//Признаться надобно, что участь ваша злая: // у одного*

нога хромая, //А у другого хром Пегас (В.Л.Пушкин). Иногда пейоративные определения служат экспрессивными доминантами обоих микрополей: Он в идее вечно жаден, //А в конкрете он свиреп, //Догматически не-складен// И практически нелеп (А.А.Фет). В многострочных эпиграммах прилагательные с пейоративной оценочностью в сочетании с другими средствами также нередко составляют основу всех микрополей, они как бы пронизывают собой весь текст. Например, в эпиграмме А.С.Пушкина на М.Т.Каченовского «Как! жив еще Курилка журналист?» адресат «сух и скучен», «и груб, и глуп», «все тискает в свой непотребный лист», «и старый вздор, и вздорную новинку», наконец, саркастически уподобляется «воющей лучинке».

Для создания негативной характеристики адресата в эпиграммах широко используются имена существительные с пейоративной оценочностью, как вранье, вздор, чепуха, глупость: Перо, чернила и бумага, //Да безрассудная отвага — //И Бардус журналист: //В неделю публике вранья печатный лист (П.И.Шаликов); Когда б предвидели Мефодий и Кирилл, //Какою чепухой их будут славить внуки, //Они б не тратили ни времени, ни сил, //Стараясь преподать им Аз и Буки (Ф.Е.Корш).

Как средство создания негативной оценочной экспрессии в эпиграмме часто используются глаголы: Свобода торговли, опека торговли — //Два разные способа травли и ловли: //Всегда по закону, в угоду купцу, //Стригут так иль этак все ту же овцу (К.К.Случевский); «Он врал — теперь не врет». //Вот эпиграфия, когда Бурун умрет (И.И.Дмитриев); Напрасно называешь //Писателем себя. //Я это докажу: бумагу ты марашь, //Бумага в свой черед марает и тебя (Писарев).

В унисон с прилагательными, существительными, глаголами для создания негативной характеристики адресата нередко используются наречия: Говорит хоть очень тупо, //Но в нем это мудрено, //Что он умничаёт глупо, //А дурачится умно (Д.В.Давыдов); Ходит он меланхолически, //Одевается цинически, //Говорит метафорически, //Надувает методически //И ворует артистически... (Н.А.Некрасов).

Сочетая различные частеречные средства, поэты широко используют прием метафоризации, благодаря чему нейтральная лексика в контексте приобретает пейоративную экспрессивно-семантическую оценочность и негативно характеризует адресата: В руках у этого педанта //Могильный заступ, не перо, <...> //Он громогласный запевала //Но запевала похорон. //Похоронил он два журнала, //И третий похоронит он (Е.А. Баратынский); <...> Не в светлых снах воображенья //Его поэзия живет; <...> //Но в душной кузнице терпенья, //Стихом как молотом стуча, //Кует он с дюжего плеча //Свои чуждые творенья (С.П.Шевырев); Исполненный ненужных слов // И мыслей, ставших общим местом, // Он красноречья пресным тестом // Всю землю вымазать готов (Н.С.Тургенев). В целях создания негативной экспрессии в эпиграммах часто используются приемы сравнения и уподобления: Стяжав барковский ореол, //Поборник лжи и мрака, //В литературе раком шел //И умер сам от рака. (Д.Д.Минаев); Защитный уж давно какой-то сивый мерин //В журнальной упряжи опять

являться стал, // Но вскоре все нашли, что он в езде так скверен, // Что на солону вновь в конюшню он попал <... > (П.А.Вяземский).

Для усиления пейоративной оценочности в эпиграммах очень широко используются перифрастические выражения, которые являются ярким средством создания образной сатирико-юмористической характеристики адресата. Так, в эпиграмме А.С.Пушкина «Тошней идиллии и холодной, чем ода...» общую негативную оценку адресата резко усиливают перифразы: «от злости мизантроп», «от глупости поэт», «жалкий образец уродливой мечты», «злой глупец». В эпиграмме П.А.Вяземского на А.С.Шишкова перифразы функционируют как ключевые предикативные экспрессемы в вопросительных предложениях: *Кто вождь у нас невеждам и педантам? // Кто весь иссох из зависти к талантам? // Кто гнусный лжец и записной зоил? // <... > // Кто лексикон покрытых пылью слов? // Все в один раз отвечают: Шишков!* Являясь экспрессивно-оценочными, перифразы придают характеристике адресатов различные семантические оттенки, могут указывать на профессию адресата, его социальное положение, мировоззренческую позицию, национальность и другие отличительные признаки. Не называя имени адресата, А.С.Пушкин использует перифразы, которые явно указывают на А.А.Аракчеева, с 1815 г. фактически стоявшего во главе государственного управления: «всей России притеснитель», «губернаторов мучитель», «Совета учитель», «царю друг и брат». Курсивом выделяя слова "преданный без лести", поэт, с одной стороны, указывает на Аракчеева, такой девиз тот сочинил для своего герба, а с другой, дает возможность в общем контексте всю фразу воспринять как "преданный бес лести", что приводит к каламбурной игре слов и усиливает негативную характеристику. Примером использования перифраз с указанием на национальность и биографию могут служить многие эпиграммы на Ф.В.Булгарина, в которых показывается его приспособленчество.

Для усиления негативной характеристики адресата в эпиграммах широко используются специально создаваемые эпиграммистами собственные имена с отрицательной оценочностью. В эпиграммах XVIII века использовались собственные имена-дериваты, обобщенно обозначающие разные человеческие пороки: Глупон, Крадон, Подлон, Скрягин и другие. «В природе смерти нет!» — так Гердер говорит. // Но мнения сего он, верно б, не держался, // Когда с Глупоном бы спознался, <... > (П.П.Сумароков); Я знаю, для чего Крадон твердит всегда, // Что свет наук есть зло: для вора свет — беда! (Н.М.Карамзин); Пред взводом шествуя, тем чванится Подлон, // Что слышит за собой двух барабанов звон. <... > (Н.а.). Возможны и прозвища адресатов, образованные сложением корней Стиховред, Стиховраль, Взяткобращ, Злорад.

Эпиграммисты XIX века чаще наделяют адресатов негативными фамилиями по созвучию с реальными. Так, в эпиграммах А.С.Пушкина, П.А.Вяземского фамилия и имя Фаддея Булгарина трансформируются в Видок Фиглярин или Авдей Флюгарин: *Не то беда, что ты поляк: // Костюшко лях, Мицкевич лях! // Пожалуй, будь себе татарин, — // И тут не вижу я стыда; // <... > // Беда, что ты Видок Фиглярин* (А.С.Пушкин).

Франсуа-Эжен Видок – французский авантюрист, вор, бывший одно время главой парижской полиции. Окрестив Булгарина Видоком, Пушкин намекал на его связь с III Отделением. Яростного хулигана всего прогрессивного в литературе М.Т. Каченовского А.С.Пушкин называет Кочерговским. В цикле эпиграмм «Поэтический венок Шутовского...» П.А.Вяземский называет так автора легковесных комедий князя Шаховского. В эпиграмме П.А.Вяземского на П.И.Голенищева-Кутузова адресат называется по звучанию Картузовым.

На игре имен и фамилий адресатов строятся ономастические каламбуры: *Не дается боле слава, //Бедной музе Болеслава, //И она, впадая в детство, //Избрала плохое средство //Отличиться перед россом //Обстоятельным доносом* (Д.Д.Минаев). Фельетон Болеслава Маркевича «С берегов Невы» был прямым политическим доносом на приехавшего из-за границы И.С.Тургенева. *Невзоров, //Престань писать так много вздоров! //Поверь, никто не остановит взоров //На книге, где прочтет: писал Максим Невзоров* (П.А.Вяземский). Адресатом эпиграммы является М.И.Невзоров – литератор, издатель журнала «Друг юношества», писавший на нравственно-религиозные темы. *Поэт – Неведомский, не ведомый никем, //Печатает стихи неведомо зачем*. Так остроумно написал П.И.Колошин на заглавном листе сборника стихотворений Н.В.Неведомского. В эпиграммах на литераторов, сравниваемых с Вальтером Скоттом, часто усекается первая часть имени великого романиста, в результате чего вторая часть звучит как русское слово «скот»: *Все говорят: он Вальтер Скотт, //Но я, поэт, не лицемерю, //Согласен я: он просто скот, //Но, что он Вальтер Скотт, — не верю* (Н.а.).

Распространено в эпиграммах каламбурное столкновение названий журналов, газет с нарицательными существительными одинакового звучания: *Про всё в России говорят, //И болтовня у нас в природе, //Лишь о «Молве» одной молчат, //Об ней лишь нет молвы в народе* (Н.Ф.Щербина); *За нашу соль, за русский ум я //Стыжусь, краснею иногда: //Ведь даже искры остроумья //Нет в вашей «Искре», господа...* (Н.Ф.Щербина). Посредством каламбурной игры слов дается негативная оценка художественным произведениям. *«В путь-дорогу!» — новейший роман! //Для какой же он публики дан? //Да спасут Боборыкина боги: //Сбился он и с пути и с дороги* (Д.Д.Минаев).

Негативная экспрессивная оценочность в эпиграмме часто формируется посредством каламбурного употребления многозначных слов. В начальных частях эпиграмм слова имеют высокую экспрессивную семантику, а в концевочных микрополях эти же слова употребляются со сниженной семантикой, негативно характеризующей адресата: *«Отечеству служит есть первый мой закон», — //Твердит Ликаст важнейшим тоном. //А как же служит он? — //В танцклубе за бостоном* (В.Л.Пушкин). Если в первом экспрессивно-семантическом микрополе глагол «служить» употребляется в высоком значении (служить Отечеству), то во втором – со сниженной, иронической семантикой, характеризующей адресата как бездельника, попусту проводящего время в танцклубе. В эпиграмме

А.Е.Измайлова на «великого генерала» негативная характеристика адресата достигается ироническим противопоставлением высокой и низкой семантики глаголов «не забудут», «помнить будут»: *Под камнем сим лежит великий генерал, //Его солдаты не забудут //И долго, долго помнить будут, //Как он их палками бивал* (А.Е.Измайлов).

Негативная характеристика адресата в эпиграммах часто создается столкновением семантики лексических омонимов: *На днях, влача с собой огромных два портсака, //Припелся он в вокзал; с лица струился пот... //«Ему не донести!» — вкруг сожалея народ, //И только лишь какой-то забияка //Сказал: «Не беспокойтесь — донесет!...»* (Д.Д.Минаев). В эпиграмме Минаева, как видим, обыгрываются омонимичные глаголы, один из которых имеет значение доставить «два портсака» (дорожные сумки) до места назначения, а другой – сделать донос. Семантика второго глагола формирует негативную экспрессивную оценочность концевочного микрополя.

Как прием речевой выразительности широко используется в эпиграммах антитеза, построенная на антонимах *старый – новый, седой – молодой, живой – мертвый, умный – глупый, свет – тьма, добро – зло, правда – ложь* и других. В сатирико-юмористическом жанре она всегда направлена на создание негативной оценочности. Так, в эпиграмме А.С.Пушкина посредством противопоставления прилагательных *седой – молодой* высмеиваются Хвостов и Надеждин: *Седой Свистов! ты царствовал со славой; //Пора, пора! Сложи с себя венец://Питомец твой младой, цветущий, здравый//Тебя сменит, великий наш певец! <...>*. Иронический подтекст эпиграммы подчеркивает схожесть обоих Свистовых. Саркастическая оценка адресата дается в эпиграмме С.А.Неелова посредством прилагательных «старый – новый»: *Болтушкин, верьте, господа, //Своим присутствием обяжет://Иль новость старую всегда//Иль глупость новую он скажет*. Сарказм усиливается, как видим, противопоставлением парадоксальному сочетанию «новость старая» ярко пейоративного сочетания «глупость новая».

Негативная оценочность в эпиграммах часто достигается сочетанием целого комплекса средств. В сатирической эпиграмме А.П.Сумарокова на подьячего используются две пары однокоренных антонимов при характеристике адресата: *Подьячий здесь лежит, который дело знал:// Что прямо, то кривил, что криво – попрямлял <...>*. В эпиграмме Н.Ф.Щербинина саркастическая характеристика достигается контекстуальным употреблением антонимов «даровитый – бездарный»: *Он доказал, при возвышеньи быстром, //При дружбе со значительным лицом, // Что можно быть бездарнейшим министром//И даровитым подлецом. Но даровитым оказывается подлец, а бездарнейшим – министр. В эпиграмме Пушкина обыгрывается противопоставленность прилагательных «пустой – полный»: *«Хоть, впрочем, он поэт изрядный, //Эмилий человек пустой»// - Да ты чем полон, шути нарядный?//А, понимаю: сам собой; //Ты полон дряни, милый мой!**

Очень широко в эпиграммах XVIII – XIX веков используется фразеология, которая в своей совокупности представляет один из богатейших источников средств речевой выразительности. Ее образность, эмоциональ-

ность, яркая оценочность, преимущественно негативного характера, определяют широкую употребительность устойчивых выражений в исследуемом жанре. Для создания сатирической характеристики адресата в эпиграммах часто используются такие устойчивые выражения, которые способны восприниматься слушателем как в своем фразеологическом значении, так и в буквальном значении, свойственном аналогичным свободным словосочетаниям. В эпиграмме А.Н.Нахимова противопоставлены фразеологизм «проливать кровь» и аналогичное по структуре словосочетание «проливать чернила»: *«Я так же, как солдат, отечеству служу, // Не правда ли?» — меня ты, Кохтин, вопрошаешь. // Большое сходство я меж вами нахожу. // Тот кровь свою, а ты чернила проливаешь*. В эпиграмме А.С.Пушкина «Двум Александрам Павловичам» для усиления сатирического обличения адресата используется двузначное употребление фразеологизма «сломать (переломить) нос»: *Романов и Зернов лихой, // Вы сходны меж собою: // Зернов! хромаешь ты ногой, // Романов головою. // Но что, найду ль довольно сил // Сравненья кончить штицом? // Тот в кухне нос переломил, // А тот под Австерлицом*. Значительную роль в создании обличительной характеристики адресата играет сниженная экспрессивно-стилистическая окраска фразеологизмов.

Для создания резкой негативной оценки адресата в эпиграммах XVIII – XIX веков очень широко используется просторечная лексика и фразеология, часто с грубой экспрессивной окраской. Содержание понятия «просторечие» и состав языковых средств, относимых к просторечию, по мнению В.В.Виноградова, Ф.П.Филина, Д.Н.Ушакова, С.И. Ожегова, Г.П. Князьковой и других ученых, исторически подвижны. В «Словаре Академии Российской» это слово определяется так: «Просторечие – употребление слов простым народом». Из предисловия к первому изданию можно также установить, что помета «просторечное» характеризует слова, «употребляемые в обыкновенных разговорах». Следовательно, в конце XVIII века просторечие охватывало область разговорной речи в отличие от книжного языка. Как отмечает Г.П.Князькова в монографии «Русское просторечие второй половины XVIII века», «понятие разговорная речь идентично в то время понятию просторечие как форма существования языка» [Князькова, 1974: 14]. Просторечие как функционально-стилистическая категория литературного языка, по ее мнению, объединяло в своем составе слова, квалифицируемые словарями XVIII века как просторечные, принадлежащие общей разговорной речи, и «простонародные», характерные для речи простого народа (крестьян, ремесленников, мещан и др.). В XIX веке объем и содержание категории просторечие постепенно начинает сужаться. Просторечное и разговорное с функционально-стилистической стороны начинает размежевываться. Однако достаточно четко они еще не были разграничены. Поэтому применительно не только к XVIII, но и к XIX веку целесообразно говорить о просторечных и разговорных языковых средствах как взаимосвязанных категориях, характеризующихся сниженной экспрессивностью. Именно с наличием у разговорных и просторечных языковых средств ярких пейоративных оценочных значений, эмоционально-

экспрессивных оттенков негативного характера связано широкое употребление их в эпиграмме как жанровой форме художественной речи.

Эпиграмма была канонизирована классицизмом как низкий «увеселительный», по терминологии М.В.Ломоносова, жанр. Отсюда – сниженность, народная грубоватость языка, сатирическая соль, злые характеристики обличаемых персонажей, свободное использование просторечия. Яркими примерами могут быть эпиграммы самого Ломоносова, Сумарокова и других представителей русского классицизма. В соответствии со своей теорией трех «штилей», М.В.Ломоносов, например, в эпиграмме на Третьяковского обильно использует разговорную и просторечную экспрессивно-оценочную лексику, способствующую созданию негативной характеристики адресата: *Безбожник и ханжа, подметных писем враль! // Твой мерзкий склад давно и смех нам и печаль; // Печаль, что ты язык российский развращаешь // А смех, что ты тем злом затмить достойных чаешь. // Наплюем мы на страм твоих поганых врак: // Уже за двадцать лет ты затисной дурак.<...>*. Использованное Ломоносовым слово «дурак» в эпиграммах XVIII – XIX веков было широко распространено: *Что разным мудростям ты десять лет учился, // То знает всяк; // Да всякой и о том теперь уж известился, // Что ныне ты, мой друг, ученый стал дурак* (М.И.Попов); *Конечно, он советник тайный — // В приказе мы читаем так; // Но по расценке верной, крайной // Он лишь действительный дурак* (С.А.Неелов).

Очень часто в эпиграммах XVIII – XIX столетий используются и другие просторечные слова с грубой оценочной семантикой, как *болван*, *урод*: *Бранись, ворчи, болван болванов, // Ты не дождешься, друг мой Ланов, // Пощечин от руки моей. // Твоя торжественная рожжа // На бабье гузно так похожа, // Что только просит киселей* (А.С.Пушкин). Оценочная семантика и экспрессия разговорных и грубо-просторечных выражений «болван болванов», «торжественная рожжа», «бабье гузно». «просит киселей» создает резкую негативную характеристику адресата. Словом «болван» Пушкин называет и Надеждина – преемника Каченовского («старого журналиста»): *В журнал совсем не европейский, // Над коим чахнет старый журналист, // С своею прозою лакейской // Взошел болван семинарист*. Во многих случаях адресат называется уродом: *Вдали от храма муз и роцей // Геликона Феб мстительной рукой сатира задавил; // Воскрес урод и отомстил: // Друзья... он душит Аполлона!* (К.Н.Батюшков); *Как на французов зол Хвостон! // Не могли бить живых, терзает мертвых он // Без милосердия ужасным переводом: // Расин стал от него теперь урод уродом* (А.Е.Измайлов). В эпиграммах широко употребляются слова *глупец*, *подлец*, *пошлец*, *идиот*, *злодей* и другие: «Коварный», «Новый Стерн» – *писмеи! // Они незрелый плод творца, // Но «Полубарские затеи» – // Затеи полного глупца* (П.А.Вяземский).

Часто употребляются эпиграммистами слова *скот*, *скотина*, *свинья*, *осел*, *козел*, *кляча* и другие в переносном значении, которые дают резкую отрицательную оценку адресату: *«На что науки знать? — невежда говорит. — // Добьюсь хорошего и без наук я чина. // Но чин тебе, мой друг, ума не подарит: // Ты будешь и в чести скотина как скотина* (М.М.Херасков);

О, ужас! О, досада! //Гомера перевел безграмотный Глупон. //От лошади погиб несчастный Илион, //А от осла погибла Илиада. (А.Е.Измайлов); Мы перемены в нем дождались, //Но пользы нет и нет пока: //Переменили ямщика, //А клячи прежние остались (Д.Д.Минаев); Ах, Филипп Филиппыч Вигель, //Тяжела судьба твоя: //По-немецки ты — Schweinwigel, //А по-русски ты — свинья! <... > (С.А.Соболевский).

Широко используются отвлеченные имена существительные с пейоративной семантикой: бредни, бред, дребедень, болтовня и т.д. *Печатай ты на нас какие хочешь бредни, //Изнеженный пискун и мадригальный шут://Лежачего не бьют! <... > (А.А.Башилов); В твоих торжественных, высокопарных, //Похвальных одах благодарных//Не блески в мраке зрю, не день, //Не слышу звуки громовые, //Текут потоки потовые //И от гремяшек дредбедень (Г.Р.Державин); Вот враль! подобного ему не знаю чудал! //Врет словом, врет пером; не объясните ль вы, //Откуда он берет всю эту дрянь? <... > (П.А.Вяземский).*

Вместо нейтрального слова «лицо» в эпиграммах часто используются грубо-просторечные «рожа», «харя»: *Сказали вы, приятель мой, //Что с чертом сходен я душой. //Вы ж, Людвиг Карлович! На дьявола похожи, //Хоть не с ума, так с рожи (Н.а.); Корчи харю философа, //Сухопарый критик мой! //Я молчу – в ответ ни слова, //Но разделаюсь с тобой! <... > (Н.А.Полевой). Двуличен он! — Избави боже! //Напрасно поклепал глупца: //На этой откровенной роже //Нет и единого лица. (П.А.Вяземский).*

В целях создания негативной характеристики адресата в эпиграммах широко используются глаголы живой разговорной речи: *жрать, обожраться, вопить, выть, поносить (бранить), тошнить, пронести (поносить), сбрыкать, загадить и другие: Лежащий в гробе сем почти весь век свой жрал. //Как смерть незваная пришла к нему вдруг в гости. //Он, верно б, и ее убрал, //Но, по несчастью, нашел в ней только кости (П.П.Сумароков). Печати русской доброхоты, //Как всеми вами, господа, //Тошнит ее – но вот беда, //Что дело не дойдет до рвоты (Ф.И.Тютчев); Он, с политической и с нравственной сторон //Вникая в нашу жизнь, легко с задачей сладил. //То сердцем, то умом в своей газете он, //Всего касаясь, всё загадил (А.М.Жемчужников).*

Широкое распространение получила в эпиграммах XVIII – XIX веков просторечная фразеология, как «молоть вздор», «пороть дребедень», «сойти с ума», «не в своем уме», «быть в дураках», «плясать под чужую дудку», «вылететь в трубу», «сукин сын»: *Его я слышал целый день //Судить о всех делах житейских. //Какую порет дребедень //На трех языках европейских (С.А.Неелов); «В каких же дураках я был!» — //О чем-то вспомнив, Клим сказал на удивленье. // «Да ты из них не выходил», — //Сказал я Климу в утешенье (Неизвестный автор); //Жив и здрав христианин // Во имя Бога, Слова, Духа; // Жандарм же русский – сукин сын! // Во имя Деда, Сына, Внука (П.Ф.Якубович). По городу молва несется, //Что тощий журналист Фома //Сошел с ума. //Что ж чудного? - Где тонко, там и рвется (А.А.Бестужев-Марлинский); Все ждешь каких-нибудь историй, // Трепещешь за свою судьбу, // Ведь из принципов и тео-*

рий// Россию выпустят в трубу (Н.Ф.Щербина); *Пред хором ангелов семья святая// Поет небесну благодать// А здесь семья земная// По дудке нас своей заставит всех плясать* (П.А.Вяземский).

С демократизацией литературного языка в пушкинскую эпоху просторечная лексика и фразеология стала употребляться не только в баснях, комедиях, эпиграммах, но и в других жанрах, традиционно не относившихся к низким. Однако, несмотря на существенное расширение сферы литературно-художественного употребления народного просторечия, эпиграмма по-прежнему оставалась по своей стилистике самым демократичным художественно-словесным жанром и в значительной мере способствовала демократизации русского литературного языка в целом.

В **Заключении** делаются общие выводы и намечаются перспективы дальнейшего исследования русской эпиграммы, в частности ее стилистического видоизменения в советскую эпоху.

Основные результаты исследования отражены в следующих **публикациях** автора:

1. Рыбакова А.А. Использование просторечной стилистически окрашенной лексики в эпиграммах А.С.Пушкина // Культура русской речи / Материалы IV международной конференции в рамках реализации федеральной и краевой программ «Русский язык»: Сборник статей. – Армавир: РИЦ АГПУ, 2005. – 0,19п.л.

2. Рыбакова А.А. Экспрессивно-оценочная одноплановость художественного текста как жанровый признак эпиграммы // Молодые ученые: Сборник статей. Выпуск четвертый. – Армавир: РИЦ АГПУ, 2006. – 0,6п.л.

3. Рыбакова А.А. Особенности микрополевой структуры двустрочных эпиграмм XVIII – XIX вв. // Международная научно-практическая конференция «Духовно-нравственный потенциал России: прошлое, настоящее и будущее»: АПСИ 2007. – 0,19п.л.

4. Рыбакова А.А. К вопросу истории формирования эпиграммы как жанра // Молодые ученые: Сборник статей. Выпуск пятый. – Армавир: РИЦ АГПУ, 2007. – 0,25п.л.

5. Рыбакова А.А. Сравнительная характеристика эпиграммы и других жанров малых форм // Вестник АГПУ. № 2 2007г. Армавир – 2007. – 0, 37п.л.

6. Рыбакова А.А. Лексические антонимы и смежные явления как средство формирования комизма в эпиграммах А.С.Пушкина // Вестник МГОУ № 2(27) 2007 Москва. – 0,75п.л.

7. Рыбакова А.А. Лингвостилистический анализ четырехстрочных эпиграмм XVIII – XIX вв. // Континуальность и дискретность в языке и речи: материалы Международной научной конференции. Краснодар. – Кубанский гос. ун-т, Просвещение-Юг, 2007. – 0,13п.л.

8. Рыбакова А.А. Экспрессивно-оценочная одноплановость эпиграммы как жанра речи (на примере произведений А.С.Пушкина) // Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологический и прагматический аспекты. Выпуск I. Материалы международной научной конференции. – Ростов н/Д: НМЦ «Логос», 2007. – 0,37п.л.

9. Рыбакова А.А. «Всегда болван – болван»: об эпиграммах А.П.Сумарокова. // Научно-популярный журнал РАН «Русская речь» № 6 / 2007. – «Наука», - Москва, 2007. – Издание списка ВАК. – 0,31п.л.

10. Рыбакова А.А. Эстетические нормы эпиграммы как жанра художественной речи // Культура русской речи / Материалы V международной конференции в рамках реализации федеральной и краевой программы «Русский язык»: Сборник статей. – Армавир: РИЦ АГПУ, 2007. – 0,25п.л.

11. Рыбакова А.А. Лингвостилистический анализ эпиграмм А.С.Пушкина // Текст. Дискурс. Жанр: материалы Межрегиональной научно-практической конференции с международным участием. Балашов, 20-21 сентября 2007г. – Балашов: Николаев, 2007. – 0,19п.л.

12. Рыбакова А.А. Использование перифразы как выразительного средства сатирической характеристики адресата в эпigramме // Актуальные проблемы науки в контексте православных традиций: сборник материалов международной научно-практической конференции 28-29 февраля 2008 года. – Армавир: ИП Шурыгин В.Е., 2008. – 0,19п.л.

13. Рыбакова А.А. Лингвостилистический анализ текста эпиграмм // Системные отношения в языке: материалы Интернет-конференции (20 мая – 20 июня 2007 года), посвященной 80-летию со дня рождения доктора филологических наук профессора Ю.И.Леденева. – Ставрополь, 2008. – 0,25п.л.

14. Нестеров М.Н., Рыбакова А.А. Полевой подход к анализу семантической структуры поэтического жанра (на примере четырехстрочных эпиграмм XIX века) // Творчество В.В.Кожина в контексте научной мысли рубежа XX – XXI веков: Сборник статей 6-й Международной научно-практической конференции. – Армавир: ИП Шурыгин В.Е., 2007. – 0,5п.л.

15. Рыбакова А.А. Экспрессивно-семантическая структура двустрочных эпиграмм XVIII – XIX вв. и языковые средства комизма. // Вестник Ставропольского государственного университета, Выпуск 53 / 2007. – Издание списка ВАК. – 0,5п.л.

16. Рыбакова А.А. Каламбурное столкновение семантически двуплановых языковых единиц в эпиграммах // Вестник учебно-методического совета АГПУ – 2008г. – 0,6п.л.

17. Рыбакова А.А. Фразеологические средства создания комического эффекта в эпиграммах // Культурная жизнь Юга России № 2 (27), 2008. – Издание списка ВАК. – 0,37п.л.

Подписано к печати: 17. 02. 2009 г. Формат 60x34/16.
Усл. печ. л. 1,56. Уч. изд. л. 1,75. Тираж 100 экз.
Заказ № 37/09. Лицензия № 021282.
Редакционно-издательский центр Армавириского
государственного педагогического университета

Редакционно-издательский центр АГПУ,
352900, Армавир, ул. Кирова, 50.

10 =